

Преобразовательное движеніе.

Россія XV и XVI вѣка пережила свою реформацію. Конечно, эта страна была обособлена и закрыта для вѣншихъ вліяній. Однако, она не могла оставаться совершенно къ нимъ нечувствительной и перекривала, хотя и совсѣмъ по-своему и въ очень суженномъ масштабѣ, извѣстные революціонные порывы и потрясенія. Преобразовательное движеніе было обязано своимъ происхожденіемъ или самобытному развитію мысли въ странѣ или же постороннему вліянію. Оно зародилось въ XIV вѣкѣ въ Новгородѣ—этой колыбели и послѣднемъ убѣжищѣ политической свободы. Начало его можно отнести къ 1376 году. Въ этомъ году въ республиканскомъ городѣ были замучены и сброшены съ моста три еретика, основатели секты *стригольниковъ*. Одинъ изъ ихъ вожаковъ, Карпъ, занимался стрижкой шерсти. Секта отвергала всякую церковную іерархію, какъ основанную на симоніи. Церковь, которая въ Новгородѣ распространяла свою власть даже на сферу экономическихъ интересовъ, легко подавила это возмущеніе. Но стригольники вновь напомнили о себѣ во второй половинѣ XV вѣка. Ихъ ученіе нашло себѣ новую пищу въ церковной литературѣ, обогатившейся новыми писаніями, хотя все еще византійскаго происхожденія, но проникнутыми уже болѣе независимымъ духомъ. Они указывали на нѣкоторыя темныя стороны религіозной жизни; они возставали противъ излишества аскетическихъ подвиговъ, способныхъ лишить вѣру и благочестіе ихъ духовной сущности; они изобличали растлѣніе, царившее въ монашеской жизни. Въ то же время проникали въ страну ученія нѣкоторыхъ византійскихъ іересіарховъ, напримѣръ, Павликіанъ и Богомиловъ, примыкавшихъ къ гностикамъ, манихейцамъ и мессалійцамъ.

На этой почвѣ выросла масса мѣстныхъ ересей. Скоро они были обобщены подъ однимъ именемъ *жидовствующихъ*, благодаря нѣкоторому внѣшнему сходству съ евреями—антиталмудистами, или караимами, нашедшими пристанище въ Новгородѣ въ 1471 году. Нѣкоторые іересіархи готовы были признать еврейскую пасху, еврейскій календарь и обрѣзаніе. Но общимъ направленіемъ всѣхъ сектъ былъ рационализмъ, приводившей къ отрицанію Троицы, божественности Христа, будущей жизни и всѣхъ внѣшнихъ обрядовъ христіанства. Ихъ появленіе не замедлило оказать православной церкви большую услугу. Оно принудило ее прежде всего къ нѣкоторой экзегетической работѣ для борьбы съ этими противниками; затѣмъ оно заставило ее оглянуться на себя и предпринять внутреннія реформы. Одно религіозное движеніе породило второе. Последнее приняло два различныхъ направленія. Порученное Максиму Греку исправленіе церковныхъ книгъ указываетъ на желаніе Церкви отпарировать нѣкоторыя нападки догматическаго характера. Но монастырская жизнь вызывала еще болѣе справедливыя нареканія. Картина тогдашняго религіознаго быта, которую я старался освѣтить, была запечатлѣна Грознымъ огненными чертами: онъ ее выжегъ раскаленнымъ желѣзомъ въ своихъ знаменитыхъ писаніяхъ. Вотъ, отрывокъ его извѣстнаго посланія въ монастырь св. Кирилла, написаннаго въ 575 г.

«Въ монастыряхъ нѣкоторые постригаются для покоя тѣлеснаго, чтобъ всегда бражничать: монахи и монахини по міру бродятъ; архимандриты и игумены нѣкоторыя службы Божіи, трапезы и братства не знаютъ, покоять себя въ кельѣ съ гостями; въ кельи жонки и дѣвки приходятъ, ребята молодые по всѣмъ кельямъ живутъ»...

Но зло не ограничивалось чернымъ духовенствомъ. На соборѣ 1551 г. говорилось о священникахъ, служащихъ разъ въ 5 или 6 лѣтъ, приходящихъ въ церковь пьяными, ссорящихся между собою и произносящихъ молитвы наизусть. Лазиціусъ (*De Rusionum... religione*, 1582, стр. 240) упоминаетъ о понахъ, валяющихся мертвецки пьяными на городскихъ площадяхъ, а Герберштейнъ (*Commentarii*, у Старчевскаго, I, 21) видѣлъ, какъ ихъ всенародно стегали за это. Оскверняемая своими служителями, церковь становилась не столько домомъ молитвы, сколько мѣстомъ свиданій, клубомъ, базаромъ. Мужчины входили туда даже во время службъ, не снимая шапокъ, съ громкимъ говоромъ и смѣхомъ, спорили, устраивали свои дѣла и прерывали пѣснопѣнія неприличными словами.

Конечно, можно сближать эти черты съ тѣми религіозными нравами Запада, которыя обличали Брантомъ и Раблэ, Кальвинъ и Лютеръ. Однако, не надо забывать и примѣровъ иного порядка, которые подавались Св. Францискомъ или бенедиктинцами Сень-Мора. На Руси же, до первыхъ лѣтъ XVI столѣтія совершенно отсутствовалъ подобный противовѣсъ.

И вотъ тогда-то, въ нѣдрахъ самихъ монастырей, передъ лучшими умами встала идея о необходимости реформы. Однако, относительно путей и средствъ мнѣнія раздѣлились. Основатель монастыря въ Волоколамскѣ въ 1479 г. Иванъ Санинъ, въ постригѣ Іосифъ, названный Волоцкимъ, внукъ литовскаго переселенца, видѣлъ спасеніе въ строгомъ соблюденіи древнихъ монастырскихъ уставовъ. По своему образованію онъ принадлежалъ къ старому типу русскихъ книжниковъ, съ ихъ полнымъ отсутствіемъ критическаго смысла и безпредѣльнымъ уваженіемъ къ тому, «что было раньше». Но это уже не могло удовлетворить всѣхъ. Изъ глубины уединенныхъ убожищъ, объ основаніи и постепенномъ умноженіи которыхъ я уже говорилъ, начиналъ вѣять другой вѣтеръ. Представителемъ новаго теченія явился членъ старинной боярской семьи Майковыхъ, гостившій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на Аѳонѣ, а затѣмъ, по сосѣдству съ Бѣлоозеромъ и монастыремъ св. Кирилла, основавшій на рѣчкѣ Соркѣ обитель, имя которой ему и присвоено. То былъ Нилъ Сорскій, выступившій какъ выразитель новаго духовнаго міросозерцанія. Его странствія, его обильное и хорошо направленное чтеніе до извѣстной степени превратили его изъ *книжника* въ богослова. Онъ сталъ утверждать, что «не все то свято, что написано».

Онъ рѣшился оспаривать авторитетъ писанія вопреки обычаю большинства современниковъ, не задумывавшихся надъ происхожденіемъ и цѣнностью документальныхъ свидѣтельствъ. Наконецъ, онъ сталъ искать въ писаніи уже не текстовъ, а вдохновенія. Слѣдуя этому пути, даже независимо отъ новаго для Руси и иногда глубокаго взгляда на религіозную жизнь, онъ долженъ былъ прійти къ новому идеалу монастырской жизни. Этотъ идеалъ заключался уже не въ точномъ исполненіи внѣшнихъ обрядовъ, а во внутреннемъ, духовномъ перерожденіи. Отсюда стремленіе къ отшельническому образу жизни, уже принятому здѣсь многими братьями, но особенно разившемся подъ личнымъ вліяніемъ самого Нила Сорскаго.

Нилъ Сорскій сгруппировалъ скоро вокругъ себя нѣсколько со-

тенъ послѣдователей, которыхъ называли общимъ именемъ «заволжскихъ старцевъ», и которымъ суждено было своимъ примѣромъ и ученіемъ сыграть важную роль въ религіозномъ движеніи XVI вѣка. Почти полное отсутствіе устава; чуть ли не совершенная личная независимость; подчиненіе чисто моральнаго характера; вободный выборъ матеріальныхъ условій и средствъ къ жизни; единственный въ этомъ отношеніи руководящій принципъ—бѣдность. Вотъ, на какомъ основаніи произошелъ разрывъ Нила Сорскаго съ Іосифомъ Волоцкимъ и его школой. Вотъ, какъ началась распря, шумъ которой наполнилъ первые годы царствованія Грознаго и еще пережилъ его.

Проблема монастырской собственности встала между двумя лагерями. Легко догадаться, какъ разрѣшалъ ее Нилъ Сорскій. Такъ лицомъ къ лицу стали «нестяжатели» и «любостяжатели», т.-е. противники и защитники церковныхъ имуществъ. Нилъ былъ осужденъ соборомъ 1503 г., хотя и долженъ былъ всего-навсего вернуться въ свою пустыню. Но вопросъ продолжалъ волновать литературу. Идеи отшельника были восприняты и съ блескомъ поддержаны другимъ монахомъ, хотя, казалось бы, и менѣе подходящимъ для ихъ защиты. Происходя отъ Гедимина, будучи въ родствѣ съ царствующимъ домомъ, Вассіанъ Косой, въ міру князь Василій Ивановичъ Патрикевъ-Косой, даже подъ клобукомъ оставался мірскимъ человѣкомъ. Дипломатъ и государственный дѣятель, онъ надѣлъ рясу только по принужденію въ 1499 г., впадши въ немилость послѣ блестящей карьеры. Но давнишнія отношенія связывали его съ міромъ свободныхъ мыслителей, чуть не еретиковъ, а вынужденное пребываніе на Вѣлоозерѣ сблизило его съ Ниломъ Сорскимъ. Призванный снова въ Москву по поводу собора 1503 г., онъ смѣло сталъ на сторону нестяжателей и проявилъ въ служеніи ихъ дѣлу ловкость и энергію, которыхъ не хватало Волоцкому отшельнику. Онъ обнаружилъ также и литературный талантъ, который поставилъ его въ первые ряды между немногими публицистами древней Руси. Впрочемъ, онъ былъ только истолкователемъ чужихъ идей. По смерти Нила Сорскаго, Вассіанъ нашелъ сподвижника въ лицѣ Максима Грека, который приведенъ былъ своей работой по исправленію книгъ къ изысканію иныхъ причинъ нравственнаго растлѣнія; увлекшись полемикой, начавшейся между иноземными и русскими еретиками, онъ дошелъ въ этомъ частномъ вопросѣ о монастырской собственности до того, что сталъ

какъ бы эхомъ гусситовъ. Іосифъ Волоцкій уже послѣдовалъ за Ниломъ Сорскимъ въ могилу; но его сторонники «осифляне», какъ ихъ называли, еще держались. На соборѣ 1525 г. Максимъ былъ осужденъ въ свою очередь. Этому способствовали нѣкоторыя погрѣшности въ его переводахъ, въ чемъ легко было его уличить благодаря недостаточности его научнаго метода и незнанію русскаго языка. Тогда въ Волоцкомъ монастырѣ онъ встрѣтился съ Вассіаномъ Патрикѣевымъ также осужденнымъ и сосланнымъ (1531). Остатокъ своихъ дней Максимъ Грекъ провелъ, не выходя изъ монастырскаго заключенія. «Лобызаемъ ваши цѣпи, но ничего не можемъ сдѣлать», писалъ ему митрополитъ Макарій, лучший дипломатъ, нежели Вассіанъ, и сумѣвшій выдержать двусмысленную роль между двумя враждебными лагерями.

Но борьба продолжалась и все росла. Между осужденными въ 1531 г. находился и Троицкій игумень Артемій. Въ ученіи осифлянъ онъ отвергалъ требованіе смерти для еретиковъ, приближаясь такимъ образомъ къ «заволяжскимъ старцамъ». По ихъ словамъ, они не имѣли права судить этихъ несчастныхъ, а лишь обязаны были молиться за нихъ... Либеральное вѣяніе, столь неожиданное въ эту эпоху, обнаруживалось въ средѣ «старцевъ». Впрочемъ, Артемій и его ученики соприкасались съ протестантскимъ и антикатолическимъ движеніемъ: посредницей служила Польша, гдѣ реформаціонное движеніе быстро распространялось. Другіе же противники официальной церкви, которымъ скоро пришлось узнать всю силу ея громовъ, Матвій Башкипъ и Ѳеодоръ Косой, склонялись въ сторону современнаго имъ раціонализма, хотя и принимали нѣкоторыя черты ученія Волоцкаго отшельника.

Такимъ образомъ *русская реформація* шла въ различныхъ направленіяхъ. Заволяжскіе старцы съ осифлянами,—правда, разными путями стремились къ перестройкѣ зданія Церкви; что касается сектантовъ въ родѣ Артемія, то они дѣлали чисто революціонное и разрушительное дѣло. Впрочемъ, къ спорамъ примѣшивался политическій элементъ. Іосифъ Волоцкій былъ консерваторомъ даже въ своемъ толкованіи отношеній между Церковью и государствомъ; въ его глазахъ послѣднее обязывалось служить интересамъ церкви, получая взаменъ полное ея подчиненіе. Опираясь въ матеріальномъ отношеніи на свое привилегированное владѣніе землею, монастырь получалъ въ этой концепціи характеръ государственнаго учрежденія; онъ становился центромъ и питомникомъ духовной аристократіи. Содѣйствію

этой доктрины московское самодержавіе обязано своимъ утвержде-
ніемъ. Заволжскіе старцы держались другихъ взглядовъ. Нилъ Сор-
скій этой проблемой даже не интересовался. Она была ему чужда;
она даже не существовала, съ его исключительно-христіанской точки
зрѣнія. Выдвигаемые имъ моральные принципы примирялись со всѣми
формами политической жизни. Но у Вассіана Патрикѣва была дру-
гая забота. Онъ не могъ забыть своего происхожденія и родства:
подчиненіе безграничной и безконтрольной политической власти воз-
мущало его аристократическую душу. Поэтому онъ отдалъ все свое
личное вліяніе и весь престижъ своей партіи на подкрѣпленіе оппози-
ціи, съ которой боролся московскій абсолютизмъ до тѣхъ поръ, пока
не сломилъ ея желѣзной рукой Грознаго.

Всѣ указанные мною элементы приняли участіе въ этой новой
борьбѣ. Вотъ почему я старался опредѣлить ихъ характеръ. Побѣда
официальной церкви и абсолютизма втоптала въ прахъ и въ кровь
эти благородные побѣги. Существованіе ихъ въ темныхъ глубинахъ
народной жизни раскрывается намъ лишь въ мрачной и злополучной
судьбѣ нѣсколькихъ безвѣстныхъ героевъ. Побѣги эти подъ землею,
и еле-еле всходятъ. Далеко еще время жатвы. Но въ египетскихъ усы-
пальницахъ хлѣбныя зерна хранились тысячи лѣтъ и не погибли...
И какъ хорошо знать, какъ утѣшительно думать, что подъ пылью вѣ-
ковъ заложены плодородныя сѣмена, которыя ждутъ своего часа...

Чтобы выяснитъ условія, среди которыхъ разыгралась упомяну-
тая драма, составляющая главное содержаніе этой книги, мнѣ остается
только вызвать передъ читателемъ еще одну сторону національной
жизни, уже не разъ затронутую на предыдущихъ страницахъ, но тре-
бующую болѣе подробнаго описанія *).

*) По общему содержанію главы смотри: *Милюковъ*, О. с. в. II; *Бестужевъ-Рюминъ*, статья о славянофильствѣ, «Отечествен. Зап.», 1862. — По религіозной жизни: *Каптеревъ*, Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку, М. 1885; *Лебедевъ*, Макарій, митрополитъ Всерос., М. 1881; *Голубинскій*, Ист. канонизаціи свв. въ Русск. Церкви, 1894; *Иконниковъ*, о. с.; *Макарій*, Ист. Русск. Церкви, VIII; *Гумилевскій*, Ист. Русск. Церкви, 1888; *Костомаровъ*, Монографіи, XIX; *Жмакинъ*, Митрополитъ Даніилъ, 1884; *его же*: въ Журн. М. Н. Пр., апр. 1882, Борьба идей въ Россіи въ 1-й полов. XVI в.; *Цептаевъ*, Протестантство и протестанты въ Россіи, 1890; *Архангельскій*, Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣвъ, 1882. — Источники: Акты Археогр. Экспедиціи, I и II; *Курбскій*,

Сказанія, изд. Устрялова, 1868; *Lasicius*, De Russorum religione, 1582; *Герберштейнъ*, *Гваньино*, *Улефельдъ*, по *Старчевскому*. — По исторіи просвѣщенія: *Забѣлинъ*, соотвѣтствующая статья въ Отечествен. Зап., 1856; *Иконниковъ*, *Гумилевскій*, *Макарій*. — Источники: Oberborn, Ivannis Basilidis vita, 1585; Hist. Russiae Monum., изд. Тургенева, I; Полное собраніе русск. лѣтоп., т. V; Стоглавъ, изд. Кожанчикова, 1868, гл. XXV. — По исторіи литературы: *Пыпинъ*, Исторія литературы, II; *Иконниковъ*, Изслѣдованія о главныхъ направленіяхъ въ наукѣ русск. ист., Вліяніе Византіи и Ю. русской образ., 1869. Изданіе Четыхъ-Миней было предпринято въ 1869 г. Археографической Комиссіей. Подробное описаніе этого памятника *Горскаго* и *Неустроева*, съ предислов. и примѣч. *Барсова*, было напечатано въ Читеніяхъ, 1884—86 гг.; другое, болѣе подробное, принадлежитъ архимандриту *Иосифу*, 1892 г. Домострой былъ найденъ въ Москвѣ Голохвастовымъ и опубликованъ въ «Чтеніяхъ» въ 1849 г. Между *Некрасовымъ* и *Михайловымъ* на этомъ основаніи возгорѣлась полемика, напечатанная въ Журн. М. Н. Пр. въ 1889 г.; ср. *Голохвастовъ*, Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія, Читенія, 1874. *L. Leger*, въ I т. Russes et slaves, 1890 — посвятилъ Домострою изслѣдованіе, съ которымъ не лишнимъ будетъ познакомиться французскимъ читателямъ. — По искусству: *Буслаевъ*, статья его по искусству въ Критическомъ Обзорѣніи, 1861; *его же*: статьи о русск. иконографіи въ 1866; *его же*: Критика *Віолле-ле-Дюкъ*, въ Критическомъ Обзор., 1879; *Толстой* и *Кондаковъ*, Русск. древн. въ памятник. искусства, т. IV, V, VI, 1897—99; *Viollet-le-Duc*, l'Art russe, Paris, 1872; *Père Martynov*, l'Art russe, Arras, 1878; *Boutowsky*, Hist de l' ornement russe, Paris, 1872; *Darcel*, l'Art russe, Gazette de beauxarts, 1878. — По архитектурѣ: *Забѣлинъ*, статьи по вопросу въ Архивѣ Русск. Иск., 1894; *Кузнецовъ*, Новыя лѣтописныя данныя... 1896; *Павлиновъ*, Исторія русск. архитектуры, 1894. — По иконографіи: *Ровинскій*, VIII т., Труды Археологическаго Общества, СПб. 1856.
